

С. И. ЗАРУДНЫЙ И СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

ИСТОРИКО - БИОГРАФИЧЕСКИЙ ЭСКИЗЪ.

Если законодательныя предположенія
вѣрны, то они и благоумешны; трудно
думать, чтобы люди гдѣ либо и когда
либо были готовы для дурнаго и не
зрѣлы для хорошаго.

С. И. Зарудный.

Гр. ~~Джаншѣва~~

МОСКВА.

Тип. И. Гербель, Петровка, Салтыковский пер., д. Головкина.

1889.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

*Исторія, эта безстрастная хранительница всего добра и зла, совершаемаго человекомъ, помнитъ не мало примѣровъ явной несправедливости людской. Какъ ни часты подобные случаи, начиная съ древнѣйшихъ временъ, но совѣсть человѣческая не легко мирится съ возбужденіемъ зломъ за добро, и нерѣдко въ виду такихъ ненормальныхъ явленій испытываютъ потрясенія самыя сильныя и цѣльныя натуры. Перуджино, убѣжденный нѣтистъ, послѣ трагической кончины Саванаролы, сдѣлался отчаяннымъ скептикомъ и сталъ вмѣсто мадоннъ, олицетворявшихъ небесную чистоту и кротость, писать на стѣнахъ сьенскаго Камбіо сюжеты изъ античнаго міра, олицетворявшіе физическую силу и земную красоту *). -- Саванарола дождался памятника четыре вѣка спустя послѣ своей смерти, но Перуджино умеръ, извѣрившись въ людскую справедливость и считая невозможнымъ осуществленіе правды на землѣ...*

*) Voyage en Italie, par H. Taine T. I, p. 18.

Та же самая скептическая мысль зарождается при видѣ недостойной травли, которая въ послѣдніе годы, изо дня въ день, совершается надъ памятью дѣятелей недавней преобразовательной эпохи вообще и надъ творцами судебной реформы въ частности.

За что и откуда такая не остывающая вражда и озлобленіе?

Исторія не забудетъ, писалъ въ 1867 г., по поводу только что осуществленной реформы, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ публицистовъ того времени, ни одного изъ именъ, связанныхъ съ этимъ „великимъ дѣломъ обновленія Россіи“ *).

Прошло съ тѣхъ поръ какихъ нибудь 20 лѣтъ и что же видимъ? — Преемники того же публициста не находятъ достаточно крѣпкихъ и бранныхъ словъ для должнаго осужденія этого „великаго дѣла“ и его авторовъ. Нѣтъ той хулы и порицанія, которыя не посылались-бы по адресу живыхъ и мертвыхъ виновниковъ обновленія „Россіи“. Начиная отъ обвиненія въ дѣтскомъ увлеченіи иностранными образцами и кончая прямымъ обвиненіемъ въ государственной измѣнѣ, — такова схема обвиненій, раздающихся, чуть не ежедневно, изъ лагера противниковъ новаго суда.

Откуда такое ожесточеніе?

Видѣ вся сущность судебной реформы сводится, по второму замѣчанію другаго публициста, далеко не со-

*) „Москов. Вѣдом.“ 1867 г. № 69.

чувствующаго либерализму,—къ тому, что „въ нашей, такъ еще недавно неправосудной землѣ, въ землѣ, гдѣ судъ и неправда были синонимами—появился судъ, не берущій взятка, равный для богатаго и бѣднаго и стяжавшій довѣріе народныхъ массъ“; что на мѣсто стараго суда „при одномъ воспоминаніи о которомъ, по выраженію того же публициста, волосы встаютъ дыбомъ и морозъ деретъ по кожѣ“ *), явился новый судъ.

Откуда же такое озлобленіе?

Непонятно, необъяснимо!

Иправъ былъ Плиній, сказавъ *homini nihil est miserius aut superbius!*.

Такое неумолимое озлобленіе было-бы еще понятно, если бы, создавая у насъ новый судъ, виновники его, вмѣстѣ съ добромъ совершили и часть, иногда неизбежнаго зла; если бы, вводя институты европейскаго публичнаго права, какъ напр. судъ присяжныхъ, они бы исказили государственнѣйшій строй или прибѣгли къ разрушенію и насилію. Но вѣдь этого не посмѣютъ утверждать самые рьянѣйшіе поклонники дореформеннаго строя, надумавшіеся послѣ двадцатитрехлѣтняго „реальнаго“ существованія у насъ суда присяжныхъ доказывать „теоретическую“ несовмѣстимость его съ нашимъ государственнымъ строемъ.

Развѣ измѣнили и могли измѣнить хоть на волосъ составители Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября

*) См. „Русь.“ 15-го февр. 1884 г.

нашъ законодательный механизмъ, и развѣ не отъ усмотрѣнія правительства зависитъ полная отмѣна ихъ и уничтоженіе „судебной конституціи“, „народовластія“ и прочаго вздора, порожденнаго разстроеннымъ воображеніемъ зоиловъ новаго суда?!...

О чемъ же шумятъ и кричатъ наши не въ мѣру расходившіеся народные витѣи, присвоившіе себѣ монополію дѣлатъ, по своему капризному изволенію, однимъ изъ дѣателей недавняго прошлаго апофеоза, другихъ же топтать въ грязь!?...

Слѣдуя совѣту древняго поэта, мы далеки отъ мысли перевернуть приговоры крикуновъ, являющіеся результатомъ насильственного наметанія вѣсовъ.

Non, quidquid turbida Roma
Elevet, accedas; examenque improbum in illa
Castiges trutina *).

Нѣтъ, мы далеки были отъ желанія препираться, съ неразборчивыми на средства, врагами новаго суда. Не намъ судить насколько удачно выполнена поставленная нами себѣ цѣль, но цѣлью нашею было - принести дань уваженія памяти одного изъ славныхъ и главныхъ дѣателей незабвенной преобразовательной эпохи и предложить вниманію безпристрастныхъ читателей мало извѣстные или вовсе неизвѣстные ма-

*) Perseus, Sat. I, 5.

материалы. извлеченные изъ многотомнаго „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“, и могущіе служить къ разъясненію тѣхъ голословныхъ обвиненій, которыя сыплются въ такомъ изобиліи на незабвенныхъ дѣятелей судебной реформы.

Одинъ изъ выдающихся дѣятелей ея, С. И. Зарудный, не только много и усердно поработалъ надъ нею, но и имѣлъ дальновидную предусмотрительность собрать и систематизировать въ 74-хъ томахъ весь матеріалъ „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“ и передать ихъ въ петербургскія книгохранилища.

Имѣвъ случай ознакомиться съ драгоценными матеріалами этого Дѣла, мы сочли не безъинтереснымъ подълечь ими съ интересующимися исторіею судебной реформы. Чтобы судить о значеніи этихъ матеріаловъ, которые одни способны пролить истинный свѣтъ на ходъ и исходъ судебного преобразованія, достаточно пробѣжать приводимыя ниже свѣдѣнія о происхожденіи нашего суда присяжныхъ (см. главы VI и VII). Изъ нихъ съ очевидностью явствуетъ все легкомысліе и недобросовѣстность современныхъ критиковъ новаго суда, навязывающихъ насильно составителямъ Уставовъ 20-го ноября „политическіе мотивы“ при учрежденіи суда присяжныхъ, тогда какъ тѣ энергически протестуютъ противъ такихъ мотивовъ и всячески настаиваютъ на „юридическомъ“ характерѣ русскаго суда присяжныхъ...

Вѣримъ глубоко, что придетъ время, когда эти тысячи фоліантовъ, съ укоризненнымъ молчаніемъ взирающіе на тотъ неправый судъ, который нынѣ чинится надъ творцами суда праваго, заговорятъ громко и краснорѣчиво, подъ перомъ талантливаго историка, и покажутъ, какое изумительное усердіе и добросовѣстность проявили эти благородные и честные дѣятели. Тогда станетъ ясно для всѣхъ, какъ тяжело было прегрѣшеніе тѣхъ, которые на-мѣренно или по невѣдѣнію оскорбляли чистую, незапятнанную память этихъ честныхъ труженниковъ, отрицая ихъ громадныя и безспорныя заслуги предъ отечествомъ.

Бр. Дзасаниевъ

I.

Да! были личности!.. Не пропадетъ народъ,
Обрѣтшій ихъ во времена крутыя!
Мудреными путями Богъ ведетъ
Тебя, многострадальная Россія!
Попробуй, усумнись въ твоихъ багатыряхъ
Доисторическаго вѣка,
Когда и въ наши дни выносятъ на плечахъ
Все поколѣнье—два—три человѣка!

Некрасовъ.

Sciant, quibus moris est illicita mirari, posse
etiam sub malis principibus magnos viros esse ob-
sequimque ac modestiam, si industria ac vigor
adsunt, eo laudis excedere, quo plerique per
abrupta sed in nullum reipublicae usum am-
bitiosa morte inclaruerunt.

Tacitus.

Большой, высокій кабинетъ, выходящій окнами на
глухую набережную Невы. Безиросвѣтное свинцовое
небо сдавило своимъ сумрачнымъ низкимъ сводомъ ши-
рокую бѣлую равнину, на днѣ которой замерла, подъ

пышнымъ глазовымъ покровомъ, застывшая, окаменѣвшая красавица-Нева.

Въ тщетныхъ усиліяхъ вырваться изъ постылыхъ объятій безконечной сѣверной ночи, дневное свѣтило едва дерзаетъ бросить косой лучъ на городъ, оцѣпѣвшій въ сырой мглѣ отъ недостатка тепла и свѣта. Сквозь четыре большихъ окна четвертаго этажа едва брежжется мутный полусвѣтъ.

Въ кабинетѣ посрединѣ стоитъ большой письменный столъ, заваленный книгами и записками, набросанными нетвердою, дрожащею рукою. По одну сторону стола рядъ полокъ съ комплектомъ семидесяти четырехъ томовъ исторіи судебной реформы, и матеріалы крестьянской реформы, по другую сторону шкафы со всевозможными законодательными сборниками на всѣхъ европейскихъ языкахъ, съ иностранными авторами, среди которыхъ выдѣляются коллекціи изданій Беккаріи, Данта и другихъ „властителей думъ“ обитателя кабинета.

Въ углу на софѣ лежитъ онъ самъ. Это больной, худой старикъ съ энергичнымъ выраженіемъ лица, съ окладистою сѣдою бородою, большимъ выпуклымъ лбомъ, съ умными, добрыми глазами, устремленными на дверь, гдѣ собрался консилиумъ врачей.

— Холодно! сыро!—шепчетъ чуть слышно больной, бросая безнадежный взглядъ на виднѣющееся изъ окна снѣжное море и низкія, сѣрыя облака.

— На югъ-бы, согрѣться-бы немножко!—вздыхаетъ больной.

Консилиумъ рѣшаетъ отправить больного въ Ниццу. — Поспѣшно снаряжаютъ больного въ путь. — Бросивъ грустный прощальный взглядъ на полки съ томами матеріаловъ судебной реформы, на портреты главныхъ дѣятелей ея, больной покидаетъ кабинетъ, въ которомъ онъ работалъ послѣдніе годы надъ переводомъ Данта.

Продолжителенъ и мучителенъ былъ путь для больного, который выбился изъ послѣднихъ силъ прежде чѣмъ доѣхать до мѣста назначенія...

Вотъ уже ласковое провансальское небо; въ вагонъ нахнуло уже теплымъ дыханіемъ благодатнаго юга. Вдали обрисовалась блестящая гладь голубаго моря. Показались цвѣтушія розы, апельсиныя рощи и пальмы, убравшія, какъ бы въ видѣ привѣта больному съ дальняго сѣвера, свои вѣчно зеленые покровы блестящими перлами прозрачныхъ снѣжинокъ. Но ни этого мягкаго теплаго воздуха, ни этого восхитительнаго сочетанія красотъ южной и сѣверной природы, ни этихъ гигантскихъ пальмъ, окаймленныхъ словно горностаемъ, мягкимъ пушистымъ снѣгомъ—не видятъ еще такъ недавно полныя силы и блеска, а теперь навсегда потухшіе, глаза...

Больной путникъ скончался въ вагонѣ, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Ниццы—19-го декабря 1887-го г. Черезъ нѣсколько дней мы уже читали въ газетахъ извѣщеніе о смерти больного старца. Старецъ этотъ былъ Сергѣй Ивановичъ Зарудный.

Какое произвело впечатлѣніе это извѣщеніе? — Довольно слабое. Печать и общество отозвались довольно слабо, особенно если сравнить отзывы о Зарудномъ съ тѣми крикливыми, раздутыми манифестаціями, въ которыхъ не было недостатка въ послѣднее время, по поводу смерти того или другого общественнаго дѣятеля.

Причина этого равнодушія понятна. Зарудный давно уже былъ забытъ всѣми, рѣшительно всѣми, за исключеніемъ развѣ Московскаго Юридическаго Общества, которое въ 1886 г. оказало единственно доступный ему знакъ своего высшаго уваженія, избравъ его въ свои почетные члены. Большинство же публики давно уже ничего не слышало и не читало объ этомъ выдающемся, но забытомъ государственномъ человѣкѣ, объ этой свѣтлой незапятнанной ни рабскою лестью, ни низменною корыстью нравственной личности, объ этомъ стойкомъ борцѣ за либеральныя и гуманныя идеи!

А между тѣмъ труды его, его плодотворная дѣятельность косалась не только сферы юристовъ—спеціалистовъ, но захватывала самые жизненные интересы общества и даже народныхъ массъ. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ двухъ величайшихъ реформахъ, какія когда-либо производились въ этой странѣ — крестьянской и судебной. Если въ первой онъ игралъ важную, но не первенствующую роль, то во второй онъ давалъ тонъ всему дѣлу, въ самую важную ея эпоху.

И если на Руси, въ этой еще столь недавно неправо-
восудной землѣ, въ этой классической странѣ беско-
нечной волокиты и безшабашнаго взяточничества, вод-
ворился судъ, соотвѣтствующій своему названію; если
на мѣсто права, существовавшего въ видѣ смутной
иллюзіи, въ видѣ *pium desiderium*, возникло понятіе о
правѣ, какъ о чемъ-то реальномъ; если вмѣсто преж-
няго недовѣрія къ суду, отъ котораго народъ ограж-
далъ себя, какъ отъ нечистой силы, разными закли-
наніями, явилась вѣра въ суды, — то всѣми этими
благами мы обязаны въ значительной мѣрѣ Заруд-
ному.

Только благодаря его непреклонной энергіи, его
изумительному трудолюбію, его умѣнью работать и
руководить работами другихъ и стало возможнымъ
необыкновенно быстрое и удачное составленіе и вве-
деніе въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20-го ноября
1864 года. Почти съ увѣренностью можно сказать, что
едва ли основныя начала судебной реформы получили
бы столь всестороннее и гармоническое развитіе, если
бы не непреклонная энергія этого незабвеннаго, но,
увы! весьма скоро забытаго труженика!

Я не берусь представить въ настоящее время пол-
ную картину жизни и дѣятельности этого замѣчатель-
наго человѣка, коему природныя дарованія въ связи
съ изумительнымъ трудолюбіемъ обеспечивали выдаю-

щуюся роль въ общественной жизни. Переживаемая нами эпоха слишкомъ неблагопріятна для изображенія того чуднаго, но чуждаго для насъ и непонятнаго времени, къ которому относятся важнѣйшіе моменты дѣятельности Заруднаго. Вслѣдствіе этого поневолѣ приходится обращаться къ приему, который практиковалъ одинъ изъ любимыхъ писателей Заруднаго Беккаріа, слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, т. е., приему имѣющему цѣлью „застилать свѣтъ облаками“. —

Осенью 1842 г. блестящій, образованный молодой запорожецъ-астрономъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, по окончаніи курса математическихъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ, чтобы опредѣлится на службу въ Пулковскую обсерваторію. Какъ всѣ выдающіеся люди этой эпохи, люди сороковыхъ годовъ, онъ, при хорошемъ запасѣ специальныхъ свѣдѣній, имѣлъ и широкое гуманитарное образованіе. Живой южный темпераментъ его, гибкій, подвижной умъ неистощимый малороссійскій юморъ, веселость и остроуміе въ связи съ многостороннимъ образованіемъ обратили на себя вниманіе въ Петербургѣ.

Благодаря этимъ качествамъ, Заруднаго скоро замѣтили и отмѣтили. Но всѣхъ этихъ качествъ, хотя бы и возведенныхъ въ квадратную степень, было-бы недостаточно, чтобы заслужить вниманіе будущаго начальника Заруднаго, — министра юстиціи графа В. Н. Панина.

Чтобы удостоиться его „благосклоннаго“ внима-

нія, необходимо было принадлежать если не къ кастѣ браминовъ, то, по крайней мѣрѣ, къ кастѣ кшатріевъ, необходимо было, если не обладаніе „сорока квадратами“ спѣсиваго французскаго дворянства, то, по крайней мѣрѣ, занесеніе въ одну изъ первыхъ книгъ герольдіи, т. е. необходима была принадлежность къ столбовому россійскому дворянству. Такъ какъ данныя генеалогіи и геральдики у Заруднаго оказались въ безупречномъ порядкѣ, то гр. Панинъ рѣшился привлечь въ свой департаментъ даровитаго и родовитаго запорожца.

Безъ малаго 15 лѣтъ Зарудный оставался на службѣ въ департаментѣ Министерства Юстиціи, занимая разнообразныя должности, начиная отъ должности старшаго помощника столоначальника и кончая старшимъ юрисконсултомъ консультаціи Министерства Юстиціи. Молодой астрономъ, такъ неожиданно перемѣнившій обсерваціонную башню на департаментскую канцелярію, очень скоро освоился, благодаря своей счастливо одаренной натурѣ, съ новымъ родомъ дѣятельности. Проглотивъ, можно сказать, однимъ духомъ весь убогій багажъ тогдашней русской юриспруденціи, Зарудный началъ знакомиться съ классическими сочиненіями иностранной юридической литературы и, благодаря этому столь же благородному, сколько и богатому источнику знанія, сразу сталъ цѣлою головою выше департаментскихъ авторитетовъ, воспитанныхъ на рутинѣ и буквоѣдствѣ.

Отсутствіе офіціального юридическаго образованія не только не вредило Зарудному, но скорѣе служило ему на пользу, освободивъ его голову отъ засоренія тѣми циничными доктринами о провиденціальномъ назначеніи кнута и о прелестяхъ иневизиціоннаго судопроизводства, коими щеголяла тогдашняя пресмыкающаяся университетская наука.

Долговременное пребываніе въ министерствѣ юстиціи дало Зарудному возможность ознакомиться, если не съ дѣйствительною жизнью, то хоть съ судебною практикою и процессуальною техникою. Но пребываніе въ школѣ гр. Панина подвергало большой опасности дальнѣйшій умственный и нравственный ростъ молодого юриста. Въ чемъ же была эта опасность?

Трудно представить себѣ бѣльшіе контрасты—чѣмъ эти два типичныхъ представителя русской юстиціи и юриспруденціи. Съ одной стороны живой, богатый здоровьемъ и свѣжимъ знаніемъ и энергіею молодой юристъ-астрономъ, поклонникъ Беккариа и Вольтера, а съ другой застывшій въ своемъ собственномъ самодовольномъ величіи министръ-магнатъ, много и безъ толку читавшій (въ томъ числѣ и латинскихъ классиковъ въ подлинникѣ), обладавшій массою свѣдѣній, въ безпорядкѣ сложенныхъ въ необъятномъ хранилищѣ его замѣчательной памяти.

Человѣкъ безусловно честный, отмѣнно благонамѣренный, неспособный на сознательно несправедливый